

Изучение истории Февральской революции 1917 г. в уральской исторической литературе

В современной историографии не утихает интерес к изучению того, что произошло в России в 1917 г. По нашему мнению, на исследовательский процесс в настоящее время оказывают влияние, во-первых, мнение о нежелательности революционных потрясений вообще, во-вторых, попытки историков противопоставить события, которые произошли в феврале 1917 г. («Февральская революция»), событиям октября 1917 г. («Октябрьский переворот»), поставить непреодолимую грань между ними, изучать их изолированно друг от друга.

Первая попытка оценить ход Февральской революции на Урале была предпринята в 1920-е гг. Следует заметить, что первоначально некоторое время в литературе отсутствовала, ставшая потом официальной для советской историографии, концепция о руководящей роли партии большевиков в революции. В испартовских сборниках, опубликованных в Уфе, Екатеринбурге и Вятке, события февраля 1917 г. характеризовались как стихийные, идущие снизу без активного вмешательства какой-либо политической силы. По нашему мнению, наиболее объективные данные о событиях Февральской революции на Урале, свидетельства очевидцев и документы с мест содержал сборник «Рабочая революция на Урале», долгое время запрещенный коммунистическим режимом к использованию.

Именно на его страницах непосредственные участники событий братья Быковы опубликовали свои свидетельства по истории февральско-мартовских событий 1917 г. П. М. Быков отмечал, что хотя первые сообщения о Февральской революции в Петрограде были получены в Екатеринбурге 1 марта 1917 г., но власти пытались их скрыть от населения и запретили газетам печатать телеграммы из столицы. Только когда начались митинги в поддержку революции, участниками которых были все слои населения, власти вынуждены были объявить о свержении самодержавия¹. В. М. Быков называл март 1917 г. «медовым месяцем русской революции»,

¹ См.: Быков П. М. Екатеринбургский совет // Рабочая революция на Урале: Эпизоды и факты. – Екатеринбург, 1921. – С. 84.

когда объединились все политические силы: директор банка, управляющий заводом, фабрикой, член Совета¹.

Точка зрения о стихийности февральского этапа революции была характерна и для литературы, которая выходила в 1920-е гг. в центре. Даже такой известный историк-марксист, как М. Н. Покровский, писал, что «к весне 1917 года все элементы революции были налицо», не было только «той партии, которая была на сцене в 1907 г., которая провела революцию»². Речь шла, конечно, о партии большевиков. В историографической литературе подобные взгляды, разделяемые Е. М. Ярославским, Я. Яковлевым, Б. Граве и др. исследователями начала 1920-х гг., объяснялись отсутствием у них фактических данных³. Видимо, речь должна идти не о недостатке данных, а о том, что у непосредственных очевидцев событий, которыми были историки тех лет, в том числе и братья Быковы, не было сомнений, что революция 1917 г. была вызвана объективными причинами, особенностями экономического и политического развития России, а не действиями какой-либо политической партии.

Когда речь заходила о партии большевиков, то исследователи начала 1920-х гг. отмечали, что Февральская революция стала толчком для восстановления партийных ячеек на Урале. В сообщении с Алапаевского завода отмечалось, что после получения 7 марта 1917 г. сообщения о событиях в Петрограде старые рабочие большевики создали ядро организации РСДРП(б) и приступили к работе по созданию Совета⁴. По подсчетам известного историка партии большевиков В. И. Невского, на Урале в момент выхода из подполья насчитывалось всего 9 организаций партии; естественно, что на ход революционных событий какое-либо серьезное влияние они оказать не могли⁵.

Уральские исследователи писали, что во главе революционного движения на ряде заводов после февральских событий оказались меньшевики и эсеры, менее большевиков страдавшие после подавления революции 1905 — 1907 гг. С. Шапурин, проанализировав положение на Южном Урале, показал, что к февралю 1917 г. на большинстве заводов Уфимской губернии большевистских организаций не было, за исключением Миньяра, зато рабочие нахо-

¹ Быков В. М. Заметки хозяйственника (1917, 1918 г.) // Там же. — С. 154.

² Покровский М. Н. Очерки истории революционного движения XIX — XX вв. — М., 1924. — С. 199.

³ См.: Кукин Д. М. Партия большевиков в Февральской буржуазно-демократической революции // Свержение самодержавия. — М., 1970. — С. 9.

⁴ См.: Рабочая революция на Урале. — С. 127.

⁵ См.: Невский В. История ВКП(б): Краткий очерк. — Л., 1926. — С. 451.

дились под влиянием других социалистических партий. Он писал об «общем фоне неподготовленности» к февральским событиям, с отсутствием большевиков связывал негативные моменты в дальнейшем развитии событий¹.

Речь шла главным образом о том, что инициатива в создании Советов на ряде заводов Урала исходила не от большевиков, а от меньшевиков и эсеров. В сообщении с Лысьвенского завода указывалось, что в марте 1917 г. в заводском Совете полностью доминировали представители указанных партий². Даже в пролетарском Екатеринбурге, писал П. М. Быков, «солдатские массы, хотя и связанные еще старой дисциплиной, быстрее чем рабочие подошли к выборам Совета»³.

Ближе к 10-летию Октябрьской революции в уральской литературе все больше стали писать о руководящей роли большевистской партии в революционных событиях 1917 г. Этой проблеме стали посвящать специальные работы.

Второй этап в изучении Февральской революции на Урале пришелся на 1930 — 1980-е гг. Практически во всех работах по истории Урала, посвященных 1917 г., упоминалось о февральско-мартовских событиях, связанных с падением самодержавия в России. Однако этим событиям не придавалось решающего значения, Февральская революция считалась законченной уже в момент перехода власти в руки буржуазного Временного правительства, неспособного разрешить ни одного вопроса, стоящего перед революцией 1917 г. В некоторых работах Февральская революция рассматривалась лишь как пролог Октябрьской революции, в других — Февральская революция занимала скромное место в периоде Первой мировой войны.

Для литературы этого времени было характерно подгонять ход событий на Урале под шаблон общероссийских событий. Г. П. Рычкова, подробно описав ход февральско-мартовских событий в Петрограде, констатировала: «Подобным образом после свержения самодержавия развернулись события по всей стране, в частности, и на Урале»⁴. Ф. П. Быстрых так описывал соотношение сил в Февральской революции: «Авангардом и главной движущей силой революции был рабочий класс, возглавивший движение крестьян, одетых в солдатские шинели. Всюду в борьбе против

¹ Шапурин С. Годы борьбы // Октябрь на Южном Урале. — Златоуст, 1927. — С. 59–60.

² См.: Рабочая революция на Урале. — С. 128.

³ Быков П. М. Екатеринбургский совет. — С. 84.

⁴ Очерки истории большевистских организаций на Урале. — Свердловск, 1951. — Ч. 1 (1883 — 1918). — С. 230.

царской монархии пролетариат находил дружную поддержку солдатских масс. Во главе революционных сил шли большевики»¹.

Надуманность последнего утверждения бросалась в глаза, когда авторы характеризовали численность и боевитость большевистских организаций Урала в момент февральских событий. В общесоюзной литературе, склонной к завышению количества большевиков в 1917 г., утверждалось, что на Урале после свержения самодержавия вышло из подполья 500 большевиков². Ф. П. Быстрых писал, что именно большевики были объектом преследования царских властей на Урале в годы мировой войны, что значительная часть их кадров находилась в тюрьмах и ссылках. По его подсчетам, «в дни Февральской революции на Урале вышло из подполья 12 партийных организаций, насчитывавших 306 человек». При этом он указывал, что наиболее важные, с точки зрения нахождения органов власти, большевистские организации насчитывали: Екатеринбургская — 40 человек, только большевики-одиночки вели работу в Перми, Челябинске и др. городах³.

Объектом специального научного изучения история Февральской революции стала лишь после XX съезда КПСС. В. В. Адамов в небольшой по объему монографии сумел поставить некоторые принципиально важные вопросы, связанные с пониманием данного этапа революции 1917 г. Он указал на такую особенность Февральской революции, как ту, что «вождем революции был рабочий класс, но плодами его победы воспользовалась буржуазия»⁴. Эта расстановка классовых сил в революции, по мнению автора, вытекала из особенностей социально-экономического развития края в предреволюционный период, о которых много писали В. В. Адамов и его ученики.

В. В. Адамов указывал, что события на Урале приобрели самостоятельный характер, и они развертывались не по общероссийскому сценарию, ибо провинция «с самого начала восстания была полностью отрезана от Петрограда и ничего не знала о происходивших там событиях»⁵. Это утверждение автора нам кажется не совсем обоснованным, ибо влияние событий в Петрограде на провинцию было совершенно очевидно и замена органов госу-

¹ Очерки истории коммунистических организаций Урала. — Свердловск, 1971. — Т. 1. — С. 236.

² См.: История Коммунистической партии Советского Союза. — М., 1966. — Т. 2. — С. 652.

³ Очерки истории коммунистических организаций Урала. — Т. 1. — С. 237.

⁴ Адамов В. В. Февральская революция на Урале. — Свердловск, 1968. — С. 3.

⁵ Там же. — С. 4.

дарственной власти на местах, как, кстати, писал В. В. Адамов, началась по сигналу из Петрограда. Однако данное утверждение соответствовало научной концепции, разработанной автором.

Особенности политической обстановки на Урале В. В. Адамов видел в том, что «старая власть в провинции не нашла защитников»¹. Он писал о том воодушевлении, которое охватило все слои населения Урала после получения вести о падении самодержавия и которое проявилось в совместном строительстве органов новой власти. В частности, В. В. Адамов полагал, что истинная власть в марте 1917 г. находилась у комитетов общественной безопасности, которые объединили все оппозиционные царизму силы. Даже большевики пошли на их создание, чтобы «использовать их для борьбы против контрреволюционных выпадов старой власти»². Говоря о тактике большевиков в февральско-мартовских событиях на Урале, В. В. Адамов подчеркивал, что она определялась недостаточной политической зрелостью масс, в частности, слабой политической сознательностью уральского пролетариата, и их наивной верой в буржуазию³.

Взгляды В. В. Адамова на Февральскую революцию полностью соответствовали той концепции, которую развивало в 1950 — 1960-е гг. «новое направление». В качестве методологического положения для понимания особенностей Февральской революции сторонники данной концепции использовали слова В. И. Ленина о том, что в Февральской революции в силу чрезвычайно оригинальной исторической ситуации оказались вместе, и замечательно «дружно» слились, совершенно различные потоки, совершенно разнородные классовые интересы, совершенно противоположные политические и социальные стремления»⁴. Это положение подводило их к выводу, что в февральско-мартовских событиях нельзя было выделить какую-то одну политическую силу, которая бы руководила революционными событиями. П. В. Волобуев считал, что при характеристике Февральской революции необходимо учитывать принципиальный вопрос о соотношении стихийности и сознательности. Он писал: «Февральская революция, как и большинство подлинно народных революций, выросла на основе стихийного революционного подъема». И только потом, в процессе революционных событий, руководящие центры большевистской партии в России «сразу же поддержали массовые выступления рабочих и

¹ Там же.

² Там же. — С. 43.

³ См.: Там же. — С. 3.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 31. — С. 16.

работниц и сделали максимум возможного, чтобы возглавить начавшееся движение и направить его в организованное русло». Последнее утверждение автора полностью отрицалось следующим же выводом: «Однако, несмотря на все усилия большевиков, массовый размах борьбы и ее стремительное развитие переросли организационные возможности небольшой нелегальной партии. В этих условиях охватить своим руководством поднявшуюся революционную лавину петроградская организация не могла»¹.

Но если этого не могла сделать петроградская организация, в которой насчитывалось около 2 тыс. членов² и во главе которой стояли такие центры, как Русское бюро ЦК, Петроградский комитет РСДРП, то что можно было сказать о малочисленной Уральской организации большевиков. Хотя В. В. Адамов пишет в своей монографии, что «боевыми организаторами и вдохновителями трудящихся масс на Урале выступали большевики»³, однако в специальной статье, посвященной соотношению демократического и социалистического движений в период подготовки Октябрьской революции, он фактически свел к нулю руководящую роль большевиков⁴.

Этого не могли ему простить многочисленные историки коммунистической партии и наряду с критикой концепции В. В. Адамова они стали разрабатывать концепцию о руководящей роли партии большевиков на всех этапах революции 1917 г. Уральские исследователи пытались доказать стойкость и боевитость Уральской партийной организации, ее преданность делу социалистической революции. К моменту захвата власти большевиками в ее рядах насчитывалось не менее 35 тыс. членов и по численности она уступала лишь Петроградской и Московской⁵. По мнению части исследователей, эти качества позволили уральским большевикам претендовать на особую роль в проведении Октябрьского вооруженного восстания. И в общесоюзной литературе⁶, и в работах таких историков Урала, как А. В. Бакунин, Н. К. Лисовский, Н. Н. Попов и др., утверждалось, что согласно плану, разработанному ЦК партии большевиков, Урал рассматривался как запасной центр восстания.

¹ Волобуев П. В. Характер и особенности Февральской революции // Свержение самодержавия. – М., 1970. – С. 32–33.

² См.: История Коммунистической партии Советского Союза. – Т. 2. – С. 652.

³ Адамов В. В. Февральская революция на Урале. – С. 60.

⁴ См.: Адамов В. В. О соотношении демократического и социалистического движений в период подготовки и проведения Октябрьской революции // Историческая наука на Урале за 50 лет. – Свердловск, 1967. – Вып. 1. – С. 124–127.

⁵ См.: Победа Октябрьской социалистической революции на Урале. – Свердловск, 1967. – С. 536.

⁶ См.: История гражданской войны в СССР. – М., 1942. – Т. 2. – С. 99.

В подтверждение этого вывода искали косвенные источники, поскольку прямых не осталось. Видимо, подтвердить или опровергнуть наличие этого плана захвата власти большевиками не представляется возможным, хотя следует обратить внимание на устойчивость историографической традиции в этом вопросе.

В годы «перестройки» в литературу стали проникать новые веяния, которые сначала высказывались публицистами, писателями и др. непрофессиональными исследователями. Смысл их сводился к тому, чтобы доказать, что именно Февральская революция была подлинной революцией, выстраданной Россией, что она носила подлинно демократический характер и открыла для России путь в «царство свободы». Известный советский писатель Б. Васильев подчеркивал, что «буржуазная монархия» за 50 лет своего существования в России сделала для страны немало хорошего, но имела реакционную форму правления. Задачей Февральской революции был не передел собственности, который уже давно совершился в России, а всего лишь стремление передать власть в руки буржуазии. Он подчеркивал временный характер Временного правительства, которое должно было существовать лишь до тех пор, «пока не соберется некий общегосударственный Собор (Учредительное собрание), который только и имеет право избрать законное правительство согласно буржуазному пониманию Права, Закона и Справедливости»¹.

Однако в работах, опубликованных до начала 1990-х гг. на Урале, ход Февральской революции на Урале оценивался в свете прежних позиций. Я. Б. Рабинович и Д. В. Гаврилов в обобщающем труде по истории Урала периода капитализма писали, что и в «последние месяцы 1916 — начале 1917 г. Россия жила в непосредственной преддверии революции, ее ожидании». По мнению исследователей, к революции страну подвели стремительно нарастающий социально-экономический и политический кризисы. Объяснение необычайно коротких сроков и мирного пути революции виделось в «чрезвычайной глубине и широте революционного кризиса, который поразил всю социально-экономическую и политическую структуру самодержавной России»².

Исследователи описывали предпосылки и ход февральских событий на Урале по шаблону событий по стране в целом. Из этого вытекал вполне логичный вывод: «Февральская революция на Урале, как и во всей стране, стала этапом и отправным пунктом на пути к революции социалистической»³. Подчеркивались слабые политические

¹ Васильев Б. Люби Россию в непогоду // Известия. 1989, 17 янв.

² История Урала в период капитализма. — М., 1990. — С. 367.

³ Там же. — С. 376.

результаты революции, причина чего виделась в недостатке «политического опыта у масс» и глубоко укоренившихся «предрассудков старины», иными словами, «в доверии масс к обещаниям буржуазии»¹.

Только в 1990-е гг. началось переосмысление февральско-мартовских событий 1917 г. на Урале. В первой половине 1990-х гг. исследователями при описании февральских событий на Урале была восстановлена реальная канва событий, было названо множество имен представителей правительственного лагеря, показана их позиция по отношению к событиям, происшедшим в Петрограде. Однако эти события освещались в отрыве от социально-экономической обстановки в крае, роста революционного движения и создавалось впечатление, что, как писали исследователи 1920-х гг., революция на Урале была получена в «запечатанном конверте». По словам Д. В. Бугрова и Н. Н. Попова, «в марте 1917 г. вопрос об управлении Россией решился как бы сам собой. Ни один политический лидер не написал брошюры на эту тему. Ни времени, ни особой необходимости не было».

В литературе этого времени утвердилась либеральная концепция Февральской революции на Урале. Отрицая роль какой-либо одной партии в подготовке и проведении революции, авторы писали, что эта спонтанность была кажущаяся, ибо процесс оформления новой власти в России был обусловлен кропотливой предварительной работой различных политических сил, чьи цели на определенном этапе в общих чертах совпали. По мнению Д. В. Бугрова и Н. Н. Попова, эти силы представляли собой большинство наиболее активного в политическом отношении населения, включая буржуазию, пролетариат, интеллигенцию, средние городские слои, к которым позже подключились крестьянские организации². Таким образом, Февральская революция явилась результатом действия большинства демократических сил российского общества.

Н. Н. Попов указывал, что «в результате Февральской демократической революции Россия стала самой свободной страной в мире и на первый план выдвинулась объединившая сначала все политические силы страны задача защиты демократических завоеваний народа, получившая название «революционного оборончества»³. По словам И. С. Огоновской, «февраль 1917 г. — событие,

¹ Там же. — С. 373.

² Бугров Д. В., Попов Н. Н. Мартовский ветер свободы: Февральская революция на Урале // Лики времени: очерки русской истории. — Екатеринбург, 1992. — Вып. 1. — С. 51.

³ Курс лекций по истории России с древнейших времен до наших дней. — Екатеринбург, 1992. — С. 237–238.

которое следует считать эпохальным. С одной стороны, он подвел черту под многовековой русской историей и историей самодержавия, ставшего со второй половины XIX в. одной из главных препон на пути прогресса России, с другой — открыл путь для ее демократического развития»¹.

Вершиной подобного взгляда на Февральскую революцию стала брошюра Д. В. Бугрова и Н. Н. Попова, опубликованная к 80-летию революционных событий. В ней был поставлен вопрос о причинах поражения революции. Авторы писали, что кратковременный период свобод после Февральской революции «не мог ничего изменить в исторических корнях, в сознании народа, который по-прежнему ждал *«сильной руки»*»².

К сожалению, за последние 10 лет уральские историки ничего не сделали в области изучения Февральской революции. Не появилось ни одной специальной монографической работы по данной проблеме, хотя она освещается на страницах обобщающих работ по истории Урала и в статьях на страницах некоторых региональных энциклопедий³. Особенностью последнего этапа в освещении истории Февральской революции можно считать многоконцептуальный подход к ее оценке.

Н. Н. Попов подчеркивает, что после Февральской революции «на несколько месяцев страна стала самой свободной в мире: были провозглашены гражданские свободы, создано Учредительное собрание, отменена смертная казнь, объявлена амнистия, упразднена всяческая сословная, национальная и религиозная дискриминация, провозглашена свобода печати и т. д.»⁴.

Специфику этого периода удмуртские исследователи видят в том, что «Россия настолько нуждалась в обновлении, что на местах никакого сопротивления новым властям не возникало, напротив, они находили всемерную поддержку»⁵. Н. Н. Попов пишет то, что «весной 1917 г. в стране и на Урале существовало своеобразное единение организаций: буржуазных и умеренных социалистичес-

¹ История России конца XIX в. — 30-х гг. XX в. — Екатеринбург, 1994. — С. 58.

² Бугров Д. В., Попов Н. Н. Бремя упущенных возможностей: Урал в 1917 г. — Екатеринбург, 1997. — С. 119.

³ См.: Попов Н. Н. Февральская буржуазно-демократическая революция // Урал. ист. энциклопедия. — Екатеринбург, 1998; 2000. 2-е изд.; Он же. Февральская революция 1917 г. // Екатеринбург: Энциклопедия. — Екатеринбург, 2002; Заболотный Е. Б. Февральская революция // Большая Тюменская энциклопедия. — Тюмень, 2004. — Т. 3.

⁴ История Урала с середины XIX в. до нашего времени. — Екатеринбург, 2003. — С. 6.

⁵ История Удмуртии: XX век. — Ижевск, 2005. — С. 45.

ких партий, других политических сил, которые были единодушны в вопросе о необходимости доведения войны до победного конца и в стремлении отложить решение всех острых, особенно кадровых вопросов до Учредительного собрания»¹.

В то же время Н. Н. Попов признает, что «восторженность большинства населения в первые месяцы после Февральской революции сменилась неуверенностью, недовольством, желанием радикального изменения ситуации»².

Некоторые авторы вообще обходят февральско-мартовские события 1917 г., считая, что главным достижением этого времени было то, что «весной и в начале лета 1917 г. на многих горных предприятиях были созданы большевистские организации»³.

Учитывая, что за последнее десятилетие обновилась и пополнилась источниковая база исследований по истории Февральской революции, значительно пополнился методологический арсенал, которым пользуются исследователи, принимая во внимание интерес, который проявила общественность России к Февральской революции в связи с ее 90-летием, можно надеяться, что в ближайшее время произойдет прорыв в изучении этого важнейшего периода в отечественной истории.

В. В. Запарий

Изменение управления промышленностью Урала в ходе революции 1917 г.

После Февральской революции как в центре, так и часто на местах сложилось двоевластие. В регионе имело место своеобразное переплетение двух властей. Губернаторы в Перми, Уфе, Вятке и Оренбурге после отречения царя были отстранены от должности. Власть перешла в руки губернских комиссаров, назначенных Временным правительством. Губернские комиссары опирались на уездных комиссаров, земские управы и городские думы, пытаясь проводить политику Временного правительства.

Горнозаводчики Урала поддержали Временное правительство и его органы. 4 марта 1917 г. Совет съездов горнопромышленников

¹ Урал в панораме XX века. – Екатеринбург, 2000. – С. 111.

² История Урала с середины XIX в. до нашего времени. – С. 116.

³ Батенев Л. М. Горный Урал в российской истории. – Екатеринбург, 2003. – С. 45.